

Антисага

Azzie Elbub

Он упал, поднялся, снова упал. Встать не было сил, лежать на противной и мокрой земле не было желания, и он пополз. Даже не пополз, а потек, маслянистым ручьем по водостоку-дороге, отплевывая бегущую на встречу воду. У него не было цели, он полз на свет фонаря, на скрипучий звук качелей, на вой ветра и шорох листьев. Фонарь, как настольная лампа гигантов, выжигал в асфальте дыру, бездумно просматривал клочки газет, мертвеющие обрывки лета, груды мусора. Он полз к фонарю. Уже весь в грязи, помойной крысой, заблудившимся головастиком, он полз к единственно светлomu на этом пути, к фонарю.

- Эй!
- Кто тут?
- Эй, может, хватит?! Хватит по этому дерьму, по воде, по лужам, хватит!!!
- Герой, давай ползи дальше. Ползи, плод моего воображения! Вот по этому дерьму, по этим лужам, к этому фонарю, давай, двигай телом, пока свет горит.
- Нет! Не поползу! Иду в задницу, в жопу, на фиг. Я уже 30 минут ползаю. Один не буду.
- Хорошо.

Они упали, поднялись, снова упали. Встать не было сил, лежать на противной и мокрой земле не было желания, и они поползли.

- Устраивает?
- Нет, не устраивает. Кто они? Нас двое, но мы не знаем кто из нас кто.

Их было двое. Оба мужчины. Они упали, поднялись, снова упали. Встать не было сил, лежать на противной и мокрой земле не было желания, и они поползли.

- Так понятно?
- А что мы тут вообще делаем? Эй, второй мужчина, у тебя есть желание ползти по этому асфальту дальше, к этому фонарю?
- Нет, нету.
- Автор, мы не ползем.
- А что вы делаете?
- Мы сидим в баре и пьем. Или сидим в театре и смотрим оперу. Или сидим, дома и вспоминаем былые времена.
- Ок.

Они не падали, не поднимались и снова не падали. Сил у них было предостаточно, им хорошо сиделось в баре, они пили пиво, смотрели оперу и вспоминали былые времена. Ничто не предвещало трагедии, как вдруг один из них засмеялся, хлебнул пива, подавился и задохнулся. Возможно, он бы и выжил, но певица взяла такую ноту, что телевизор не выдержал и упал, придавил задыхающегося. Он умер. Второй, оставшийся в живых, был уже очень пьян, он вышел на улицу, упал, поднялся, снова упал. Встать не было сил, лежать на противной и мокрой земле не было желания, и он пополз. Даже не пополз, а потек, маслянистым ручьем по водостоку-дороге, отплевывая бегущую на встречу воду. У него не было цели, он полз на свет фонаря, на скрипучий звук качелей, на вой ветра и шорох листьев. Фонарь, как настольная лампа гигантов, выжигал в асфальте дыру, бездумно просматривал клочки газет, мертвеющие обрывки лета, груды мусора. Он полз к фонарю. Уже весь в грязи, помойной крысой, заблудившимся головастиком, он полз к единственно светлomu на этом пути, к фонарю.

- Всем молчать, иначе никто не доползет!

Скучаяще глядя на его величественный заполз, дымя сигареткой и топорща роскошными формами понапрасну, прислонившись о фонарь, стояла вся в белом принцесса, и маленькое пятнышко только подчеркивало альпийскую белизну её одежды. Не смотря на дождь, она была чем то сексуально озабоченна, маленькая складочка кокетливо ложилась на её узкий лоб.

Он продолжал ползти. Очередная порция пережаренных бурых листьев преградила его не легкий путь. До фонаря и нее оставались считанные паребрики, силы были на исходе, монитор разьедал глаза автору, но он продолжал бороться с листьями и мусором. Она, набрала, своими набухшими губами воздух, раздула, до размеров дирижабля, свою грудную клетку, вонзила в темноту соски-локаторы и кокетливо помахивая крылышками провалившегося носика, смачно плюнула в его сторону. Он понял, что это зов, что это призыв. Вцепившись зубами в трещину асфальтной корки, хватаясь руками за выпирающие поверхности, матерясь и шипя, он пополз дальше. Переваливаясь через кучу желто-осеннего хлама, он услышал легкий потусторонний хруст. Оглянувшись он с грустью увидел свою вставную челюсть, которая, как в последней хватке бульдога, так и осталась торчать из асфальта именнотам, где он ею впервые вцепился. С мольбой, он обратил свой взор к фонарю. Она продолжала стоять, все с тем же уныло-блудным взглядом, все так же в белом и отработанным жестом забивала траву в папиросу. Он понял, что это тоже призыв и забыв о челюсти, о её стоимости, о долгой очереди к стоматологу, о ругани, он вспомнил ассистентку стоматолога. Вспомнил её упругий стан, аккуратную попку, высокую грудь. Вспомнил её в таких подробностях, что их хватило бы на десяток ассистенток и еще пару стоматологов. Воспоминания прошли, торопясь к другим, он понял, что проползти нужно. И пополз опять. Толкаясь пяточками, цепляясь пуговицами, подгребая ресницами и руля бровями. До нее оставалось еще три паребрика. Доползу, сказал он себе. В луже слева, яркой кометой приземлился окуроч. Он понял, что это удештеренный призыв. Подняв глаза, он увидел все ту же её, немного уже постаревшую, но еще вполне свежую и внушающую желание. Её что-то беспокоило, она терлась попкой о шершавую поверхность столба, широко расставив длинные ноги. Не останавливаясь, она томно посмотрела в его сторону, надула из жвачки шарик и с трудом отодрав липкую массу со своих губ, достала из сумочки заряженный шприц. Дождем умыла свои руки и точным жестом вонзила острие блаженства в порядком исколотую вену. Её глаза заполнились мутной маслянистой вуалью, что придало лицу новое, сказочное выражение.

- Я дополсу кохта нибуфь?
- Слушай, беззубый, потерпи, полежи немного смирно, не долго осталось.

Он пополз снова. Вернее, он уже дополз, надо было только подняться по столбу вверх и, обняв эту в белом и оперевшись на нее пригласить к себе домой. Но как же трудны были эти сантиметры. Толкая себя ногами, источенными пуговицами упираясь в неровный столб, молитвенно мыча, он поднимался все выше и выше. Она смотрела на него с мольбой, веря, что он сможет, что он дотянется, что доползет, чего бы это ему не стоило. И он встал рядом с ней. Предвкушая счастливую семейную жизнь, смущаясь от своего вида, он робко и извиняюще улыбнулся. Она встретила его прямой улыбкой в голову и чуть наклонив головку спросила:

- Мужик, скока время?

Слоны и то тише трубят. Если бы самолет рухнул на поезд, то сотни несчастных кричали бы тише и милее, чем она спросила. Он оторопел и что-то профуфал в ответ. Она вздохнула, выперла напоследок, свои выдающиеся места и с желчью больного гастритом, сказала:

- Ну ты козел!

После чего развернулась и, зацепив его сумкой, стала медленно пропадать в темноте. Он, потеряв опору, рухнул в безжалостный круг света гигантской настольной лампы рядом с обрывками газет и клочками чьей то жизни.

<http://ice-g.narod.ru>

1.11.2002 год
Питер